

В ТЕАТРЕ — ПРЕМЬЕРА

БОЛЬ И СТРАСТЬ ПОЭТА

28 ДЕКАБРЯ 1987 года в Парижском театре Порт-Сен-Мартен состоялась премьера комедии Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Помимо исполнения центральной роли знаменитым актером Кокленом-старшим, постановка привлекла внимание публики своим открытово-полюемическим запахом. Двадцатидевятилетний драматург и пятидесятишестилетний актер соединили усилия для того, чтобы создать спектакль торжествующей театральности, в котором безраздельно властвовали бы наряду с солоноватым комизмом Героика, Романтика, Патетика — возвышенные человеческие чувства во всей их идеальной красоте.

Именно очевидный традиционализм пьесы, когда новое — это хорошо забытое старое, и был восторженно принят зрителями, угадавшими в Ростане продолжателя романтических традиций В. Гюго. А профессионалы обнаружили в героической комедии вызов и натурализму Золя, и символизму Метерлинка, и ступенчатому интеллектуализму Ибсена — современникам Ростана, не говоря уж о бытовой буржуазной пьесе, с одной стороны, и кафешантанной развлекательности, с другой, которой так славился Париж конца столетия.

Спектакль Ростана — Коклена утверждал театр как Театр, во всем блеске исконного значения понятия, с его изяществом и благородством, с его простодушием, с его захватывающими дух чистотой и прямой человеческих отношений.

Именно об этом прежде всего, о полемичности комедии, подумалось ровно девяносто лет спустя, 28 декабря 1987 года, когда художественный руководитель Академического театра драмы им. А. С. Пушкина Игорь Горбачев отметил свое шестидесятилетие премьерой «Сирано де Бержерак».

Есть «вечные» духовные ценности, не подвластные времени, есть нравственные законы, которые не должно преступать ни при каких обстоятельствах — театр настраивает зал на подобные размышления. Выразителен уже сам

облик спектакля (художник М. Китаев). Зеркало сцены в обрамлении гирлянды канделябров со свечами, а дальше — черный бархат, один лишь бархат, во мраке которого словно растворяются персонажи, — образ вечности.

Много лет назад Горбачев уже встречался с героем Ростана на концертной эстраде. Тогда в легендарном поэте и философе он выделял черты, родственные другому гасконцу, Д'Артаньяну: остроумие, бесстрашие мысли, вечное противостояние юности консерватизму сильных мира сего. То был скорее моноспектакль, хотя в нем принимали участие и другие исполнители. В сегодняшней постановке Горбачева три почти равноправных действующих лица.

Роксана — Т. Кулиш. Не жеманница, кокетка, которая увлеклась пустым мальчиком Кристианом и не заметила любви безнадежно уродливого Сирано. Нет, тонкая, умная, под стать Сирано, с остро развитым вкусом к поэтическому слову. Кстати, актриса хорошо владеет на сцене стихотворной речью. У нее звучный голос, мелодичная интонация.

Кристиан де Невильет — С. Сытник, избранник Роксаны, — самый драматический персонаж этого спектакля. Ибо на свою беду он вовсе не глуп, а то, что не поэт и не умеет говорить стихами — так не всем же быть поэтами. Заговорив о любви словами Сирано, он в тот же миг и ощутил собственную обреченность. Невинный, казалось бы, розыгрыш будет стоить ему жизни, оборванной не случайно, как в пьесе, а сознательно — от невозможности так дальше жить.

И наконец Сирано — Горбачев. На протяжении спектакля у него будет много выигрышных сцен, запальчивых монологов, он будет драться на шпагах и скакать на воображаемых лошадях. Что ж, роль всегда считалась бенефисной, ее играли актеры в зените опыта и славы, из числа «тех, кому уже за сорок» — одним словом мэтры, мастера. Но, выбрав Сирано, Горбачев не стал изумлять зал немеркнувшей силой темпера-

мента и ловкостью натренированного тела. Даже наоборот — изменил себе лицо длинным носом, нацепил на голову седеющий парик, накинул на плечи старый, испачканный плащ, взял в руки суковатую палку. И не остроумие, не горечь, не разящий смех явился девизом нового Сирано, хотя этими качествами он наделен в достатке. Но все же главное в нем — жажда порядочности. Здесь его боль и его страсть поэта. И в этом своеобразии нового прочтения роли.

Порядочность — странное, почти забытое в наши дни понятие, тянущее свою родовую, по-видимому, от слов упорядоченность, порядок, ряд. Они противопоставляются хаосу, развалу, душевной распушенности, сумятице чувств, когда, повиняясь лишь эгоистическому желанию, все представляется доступным, и нет ничего запретного, а значит, нет и ничего святого.

Сирано — Горбачев на протяжении спектакля выделяет те моменты, где впрямую речь идет о человеческой порядочности. Он отчитывает легкомысленную жену Рагно и ее хваткого поклонника с достоинством и вовсе не комедийным серьезом. Он клянет-

ся Роксане уберечь ее избранника от опасных неожиданностей в полку и держит слово. И позже, на пороге неслыханного счастья, он, не задумываясь, обрывает последнюю ниточку надежды на любовь, во имя памяти погибшего Кристиана, во имя человеческой порядочности. Эта сцена — кульминация образа, торжество Сирано, его победа над самим собой. Такая новая трактовка классической роли классической пьесы заключает в себе сегодня безусловно актуальный смысл.

Спектакль только начал жить. Порой сбиваются его ритмы, что особенно огорчительно в стихотворной пьесе. Режиссер Горбачев выстроил гвардейцам-гасконцам в спектакле четкие, стремительные, как удар клинка, мизансцены, но они требуют от молодых актеров точности исполнения, пластического совершенства. Ну и, само собой, спектакль, созданный во славу поэтического слова, должен демонстрировать безукоризненную технику сценической речи, чего пока нет.

Т. ЗАБОЗЛАЕВА

На снимке: сцена из спектакля (Т. Кулиш — Роксана и И. Горбачев — Сирано).

Фото В. Красикова